

Петров Александр Иванович
*Кандидат исторических наук, доцент
кафедры всеобщей истории, археологии
и антропологии, Дальневосточный Федеральный
(г. Владивосток)*

Распространение православия среди корейцев Дальнего Востока России в 1860-1917 гг.

Владыка Евсевий и корейцы-православные

Переселение корейцев целыми семьями началось в 1864 г., когда в 15 км от Новгородского поста образовалось первое корейское село Тизинхэ на берегу одноименной реки. В дальнейшем оно продолжалось, временами достигая массового масштаба, исчисляемого несколькими тысячами человек, как это было зимой 1869/1870 гг. В 1879 г. в различных частях Южно-Уссурийского края насчитывалось до 19 корейских сел, деревень и выселков численностью от 28 до 844 чел. Одно большое село под названием Благословенное находилось в Амурской области на левом притоке Амура - р. Самаре.

Уже в первые годы формирования корейского населения в Приамурском крае его администрацией было обращено внимание на необходимость распространения на него православной христианской веры. Однако большинство корейцев считали крещение актом вступления в русское подданство и поэтому охотно соглашались на этот обряд. Священник в их глазах был не меньшим начальником, чем кто-либо другой из представителей областной администрации. Поэтому они были готовы выполнять любую его просьбу, которая звучала для них как приказ. Наличие крещеных корейцев отмечено в известной книге Н.М. Пржевальского. Вместе с тем он отмечал, что христианизация корейских переселенцев шла

довольно трудно. Одной из причин этого он считал личные качества двух миссионеров, которые в его бытность работали среди корейцев. Он писал: «Доколе личности, подобные настоящим, будут вести там православную пропаганду, доколе успех ее будет более чем сомнителен, особенно среди таких грубых и закоснелых в невежестве народов, каковы корейцы и китайцы».

В 1870 г., в бытность генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова в Южно-Уссурийском крае, местные власти убедили его в том, что корейцы охотно примут православную веру, если светское и духовное руководство обратит на это надлежащее внимание. Сразу же после этого Корсаков предложил Преосвященному Амурскому епископу Вениамину, «не признает ли он своевременным приступить к обращению в христианство тех корейцев, которые изъявляют на то согласие». В то же время Приморскому губернатору было предписано оказывать духовным лицам всяческое содействие в этом благородном деле.

Епископом Вениамином в места компактного проживания корейцев были посланы два священника, в обязанность которых входила подготовка корейцев к принятию святого крещения и дальнейшего удовлетворения их религиозных потребностей. Однако одному священнику было уже 70 лет, а другой должен был заниматься своим приходом, а также являлся благочинным, т. е. находился в церковном управлении на административной должности по заведованию несколькими церквями вместе с их приходами. В этой связи епископ Вениамин решил выписать специально для работы среди корейцев священника из Забайкальской области, где у Русской православной церкви был уже большой опыт миссионерской деятельности.

Тем не менее, обращение корейцев в православие шло довольно быстрыми темпами. Особенно было много крещено детей у корейских переселенцев в 1869-1870 гг. вследствие того, что многие корейцы, не имея достаточных средств к существованию, отдавали своих детей в русские семьи на вос-

питание. Всего за 1871 г. крестились 363 чел. корейской национальности¹. При этом многим корейцам было отказано в крещении на том основании, что они еще не успели обзавестись хозяйством, и не могли представить данных о точном месте их жительства. Вторая причина того, что эта цифра была меньше числа корейцев, которые желали принять православную веру, заключалась в том, что для крещения не хватало сорочек и крестов.

После того как корейские крестьяне окрепли, они начали забирать своих детей от русских, что было совершенно понятно. Некоторые из последних, однако, не желали отдавать детей, так как привязались к ним. К тому же это были, какие-никакие рабочие руки. На сторону русских встал и местный священник, который считал, что крещеных детей нельзя отдавать в руки некрещеных родителей. Администрация области внесла ясность в этот вопрос, отметив, что в России нет такого закона, по которому можно было бы разлучать крещеных детей с некрещеными родителями.

Однако были и такие случаи, когда корейские дети не желали возвращаться к своим родителям или родителю, даже если и те и другие были православными. Так, в 1876 г. в Приморское областное правление обратился корейский мужчина по имени Роман Тен, который просил возвратить ему проживающего у бессрочноотпускного горниста Перевалова его сына Петра. Старший советник правления Литвинов обратился, в свою очередь, к начальнику Суйфунского округа, чтобы тот проследил за возвращением ребенка к его отцу. Начальник округа, тем не менее, в январе следующего года доносил управляющему Приморской областью следующее: «Петр до настоящего времени проживает у Перевалова. На вопрос мой, желает ли он идти к отцу, отвечает отрицательно, причем, добавив, что хотя он и не помнит своего отца, но предлагал и в настоящее время предлагает ему жить у воспитателя своего Перевалова, который берет его на все готовое содержание без всякого вознаграждения; оставлять же

Перевалова он не желает, во-первых, из чувства благодарности к нему за воспитание, а во-вторых, потому, что у того же Перевалова живет родная его сестра, о которой отец не заботится».

Удельный вес православных корейцев в первые годы иммиграции был довольно высок.

Правда, по мере увеличения корейского населения этот показатель неизменно уменьшался, так как абсолютное большинство корейцев, не предполагавшихся к принятию в русское подданство, были некрещеными.

Церкви в корейских селах Приморской и Амурской областей стали строиться вскоре после того, как численность их жителей стала возрастать, а хозяйство сельчан стало крепнуть. Лишь в с. Благословенном Амурской области, история которого особая, церковь была заложена почти одновременно с постройкой жилищ и школы. Сначала эту церковь предполагалось освятить во имя Николая Чудотворца, но по распоряжению местных властей она была освящена во имя князя Александра Невского.

В с. Корсаковка сначала в 1870 г. была построена часовня в честь Иннокентия Иркутского чудотворца. Она просуществовала до 1887 г., когда в селе была построена новая церковь в честь того же святого. В следующем году появилась часовня в с. Кроуновка. В 1889 г. была сооружена церковь в с. Пуциловка, освященная, правда, только 2 января 1891 г. во имя святого Иоанна Предтечи. К этому же 1889 г. относится появление церкви в с. Синельникове во имя святого Николая Чудотворца. В начале XX века в корейских селениях на Дальнем Востоке России насчитывалось около 10 церквей, построенных в основном на средства самих корейцев.

Распространение православия среди корейцев осуществлялось миссионерами, личные качества которых не всегда были безупречными. В 1904 г. М. Лян написал небольшой очерк о православии среди Уссурийских корейцев. Не все бесспорно в его заметках, например, о том, что квартиры для миссионе-

ров строились на средства корейцев и т. д. Тем не менее, он, в частности, отмечал: «Миссионер в нашем крае - «помещик» в полном смысле этого слова. Квартира у него чудная - каменной постройки со всеми удобствами... Он же полный хозяин в своем районе; захотел куда-нибудь прокатиться - прикажи старосте, тройка лошадей готова; приехал куда-нибудь - обед уж подан. Главное занятие миссионера заключается в том, что он ходит в школу, где, на непонятном для большей части учеников языке, рассказывает им какую-нибудь статью из священной истории и заставляет учеников заучивать наизусть совершенно непонятные слова молитв. Это его часовое занятие в школе и есть собственно миссионерство».

Отмечая, насколько продвинулось дело школьного образования среди корейского населения Южно-Уссурийского края лишь благодаря тому, что учителями стали корейцы, окончившие учительские семинарии, М. Лян в заключении отмечал: «Хорошо было бы, если и священниками-миссионерами были корейцы. Тогда можно было бы ожидать такого же переворота и преобразования в религиозной жизни наших корейцев...»

Это пожелание Ляна вскоре осуществилось, но возникли другие проблемы. Некоторые корейские миссионеры стали не только помещиками, но, объединившись с местной корейской верхушкой, они взяли на себя функции судей, чего не позволяли себе русские священники. Лишь некоторые случаи просочились на страницы местной печати да фигурировали в документах администрации края. Так, в 1914 г. одна из газет рассказала случай, как священник-миссионер с. Кроуновка о. Роман Ким в присутствии крестьян села вершил суд над крестьянином Пахомом, нанося ему серьезные побои. Причем ему помогал сельский староста. В заключении газета отмечала: «Желательно было бы, чтобы подобные методы насаждения православия были оставлены, так как они производят очень невыгодное впечатление на паству, и результат получается едва ли желательный в целях распространения христианства»². Этот случай доказывает, что корейцы про-

должали смотреть на православие не просто как на религию, а как на одну, причем не самую слабую, ветвь власти.

В дореволюционный период очень много говорилось о том, что корейцы нерелигиозны и неспособны к восприятию православной веры. Что они лишь из корыстных целей крестились, а, крестившись, вновь исполняли все обряды буддизма или конфуцианства. Немало на поприще такой пропаганды делалось японской прессой, особенно после установления над Кореей протектората и последующей ее аннексией.

В связи с этим епископ Павел писал: «Еще до поездки своей в Корею мы интересовались вопросом о религиозности корейцев и о подготовленности их к принятию христианства. Мы спрашивали по этому поводу служебных лиц, которые близко стояли к корейцам в особенности Уссурийского края, и получили почти единодушный ответ: корейцы не религиозны. Корейцы не подготовлены к принятию христианства. Не скроем, что такие отзывы печаливали нас, но, к счастью, мы оказались жертвою и своей неопытности и неопытности лиц, которые так решительны были в суждении по очень сложным вопросам. Теперь, ознакомившись с положением дела на месте, в Корее, и из фактов, занесенных в печать, мы должны прийти к заключению, как трудно судить о религиозности отдельных лиц, и по преимуществу целого народа, и как легко, в данном случае, может сложиться ошибочное мнение у людей, быстрых в своих суждениях»³.

24 июня 1912 г. в Казанском соборе Санкт-Петербурга была совершена хиротония архимандрита Павла во епископа Никольск-Уссурийского, после чего Владивостокская и Сеульская православные миссии были объединены. Епископ Павел много сделал для того, чтобы православная вера воспринималась корейцами осмысленно, через сердце. При этом он утверждал, что православию чужды идеи политиков о русификации и т. д. Так, на журнале за №8 от 6 июня 1913 г. Иркутского миссионерского съезда он записал: «Обрусение 76 инородцев не есть прямая цель или задача наших миссио-

неров». Правда, далее он замечал: «Но, тем не менее - обрусение есть естественный и неизбежный результат разумной и ревностной работы миссионеров, особенно «у себя дома».

Эта же мысль подчеркивалась им позднее, когда он писал, что для православной миссии «не только излишне обременительны, но и чужды задачи гражданских деятелей, имеющих в виду обручение (русификаторство), ассимиляцию и др. Христианство никого не обезличивает, и каждый народ должен вносить в церковную сокровищницу свои национальные черты, вложенные в него Раздаятелем даров Господом Богом»⁴.

Таким образом, наряду с успехами распространения православия среди корейцев существовало немало трудностей усвоения ими этой религии. Они исходили, прежде всего, из общих существенных различий корейской и русской культур. Существенной преградой на этом пути было незнание корейцами русского языка, а священниками — корейского. Вплоть до начала XX в. не было никаких пособий на корейском языке для того, чтобы корейцы могли полностью понимать значение тех или иных обрядов, смысл молитв и т. д. Тем не менее, благодаря взаимному стремлению к сближению русского и корейского народов, успехи распространения православия среди корейцев, особенно на Дальнем Востоке России, были существенными.

---

¹ Вагин В.И. Корейцы на Амуре // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей стран Т. 1. СПб, 1875—1876. С. 19.

² «Уссурийский край». Владивосток, 1914, 22 мая, №48. С. 3.

³ Недачин С.В. Корейцы-колонисты. (К вопросу о сближении корейцев с Россией) // «Военный Сборник». Издание Русских Ориенталистов. Книга 1. СПб., 1913. С. 192-193.

⁴ Петров А.И. Школа культуры и нравственности. Русская православная миссия в Корею 1897-1917 гг. - «Россия и АТР». Владивосток, 1995, №4. С. 79.

Источник: http://www.dvbook.ru/book_duhov_x2.htm#